

Скверная история — эпизод 4 из 4

В чем же дело? спросила она. Я не такая недотрога, как вы думаете... (Пауза.)

Говорите же!.. (Пауза.) Скорей!!

Видите ли... Я, Елена Тимофеевна, ничего в жизни так не люблю, как искусство... искусство, так сказать. Товарищи находят, что у меня талант и что из меня выйдет неплохой художник...

О, это наверное! Sans doute!1

Ну, да... Так вот... Люблю я свое искусство... Значит... Я предпочитаю жанр, Елена Тимофеевна! Искусство... Искусство, знаете ли... Чудная ночь!

Да, редкая ночь! сказала Леля и, извиваясь змеей, съежилась в шали и полузакрыла глаза. (Молодцы женщины по части амурных деталей, страсть, какие молодцы!)

Я, знаете ли, продолжал Ногтев, ломая свои белые пальцы, давно уже собирался поговорить с вами, да всё... боялся. Думал, что вы рассердитесь... Но вы, если поймете меня, то... не рассердитесь. Вы тоже любите искусство! О... Ну да... Как же! Искусство ведь!

Елена Тимофеевна! Вы знаете, зачем я здесь? Вы не можете догадаться?

Леля сильно сконфузилась и, якобы нечаянно, положила свою руку на его локоть...

Это правда, продолжал, помолчав, Ногтев. Есть между художниками свиньи... Это правда... Они ни в грош не ставят женскую стыдливость... Но ведь я... я ведь не такой! У меня есть чувство деликатности. Женская стыдливость есть такая... такая стыдливость, которой неглижировать нельзя!

Для чего он говорит мне это? подумала Леля и спрятала в шаль свои локти.

Я не похож на тех... Для меня женщина святыня! Так что вам бояться нечего...

Я не такой, я такой, что не позволю себе чепуху выделять... Елена Тимофеевна! Вы позволите? Да послушайте, я, ей-богу, ведь искренно, потому что я не для себя, а для искусства! У меня на первом плане искусство, а не удовлетворение скотских инстинктов!

Ногтев схватил ее за руку. Она подалась чуточку в его сторону.

Елена Тимофеевна! Ангел мой! Счастье мое!

Н... ну?

Можно вас попросить?

Леля захихикала. Губы ее уже сложились для первого поцелуя.

Можно вас попросить? Умоляю! Ей-богу, для искусства! Вы мне так понравились, так понравились! Вы та, которую именно мне и нужно! К чёрту других! Елена Тимофеевна! Друг мой! Будьте моей...

Леля вытянулась, готовая пасть в объятия. Сердце ее застучало.

Будьте моей...

Художник схватил ее за другую руку. Она покорно склонила головку на его плечо. Слезы счастья блеснули на ее ресницах...

Дорогая моя! Будьте моей... натурщицей!

Леля подняла голову.

Что?!

Будьте моей натурщицей!

Леля поднялась.

Как? Кем?

Натурщицей... Будьте!

Гм... Только-то?

Вы меня премного обяжете! Вы дадите мне возможность написать картину и... какую картину!

Леля побледнела. Слезы любви вдруг обратились в слезы отчаяния, злобы и других нехороших чувств.

Так вот... что? проговорила она, трясаясь всем телом.

Бедный художник! Ярко-красное зарево окрасило одну из его белых щек, когда звуки звонкой пощечины понеслись, мешаясь с собственным эхом, по темному саду. Ногтев почесал щеку и остолбенел. С ним приключился столбняк. Он почувствовал, что он проваливается сквозь всю вселенную... Из глаз посыпались молнии...

Леля, трепещущая, бледная как смерть, ошалевшая, сделала шаг вперед, покачнулась. По ней точно колесом проехали. Собравшись с силами, она неверной, больной походкой направилась к дому. Ноги ее подгибались, из глаз сыпались искры, руки тянулись к волосам с явным намерением вцепиться в оные...

До дома оставалось только несколько сажен, когда ей еще раз пришлось побледнеть. На ее пути, около беседки, увитой диким виноградом, стоял, широко растопырив руки, пьяный, мордастый Иван, непричесанный, с расстегнутой жилеткой. Он глядел в Лелино лицо, сардонически ухмылялся и осквернял воздух мефистофелевским ха-ха. Он схватил Лелю за руку.

Подите прочь! прошипела Леля и отдернула руку...

Скверная история!

Без сомнения! (франц.).